

КАКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НУЖНА ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ?*

Немного о терминах

Политическая культура была и остается предметом интереса философии, философии политики и политической науки. Термин «политическая культура» впервые появляется в XVIII в. в трудах немецкого философа Иоганна Гердера. Подобно тому, как культура вообще представляет собой множество символических программ человеческой деятельности, политическая культура есть особый тип ориентации на политическое действие, отражающий как специфику каждой политической системы, так и ценности общества, их философское оправдание и критику.

Широко известна концепция нескольких волн демократии С.Хантингтона и других авторов. Согласно этой концепции, *первая волна демократии* возникла в США в начале XIX в. и продолжалась до окончания Первой мировой войны. Идея Лиги наций В.Вильсона *консолидировала западные демократии*. *Вторая волна* поднялась после поражения фашизма, способствовала появлению демократий в Европе (в Германии, Италии и пр.), а также в ряде деколонизированных стран. *Третья волна связана с посткоммунистической модернизацией*. По мнению Хантингтона, политическая стабильность достигается при наличии адекватной институционализации, способной обеспечить консолидацию. Вместе с тем, он подчеркивал, что в странах новой демократии трудно провести четкие разделительные линии между высокоорганизованными политическими структурами и дезорганизованной политикой, между участием и неучастием масс в последней¹.

Политическая культура гражданского общества (либо необходимая для построения такового) была названа Г.Олмондом и С.Вербой гражданской культурой или гражданской политической культурой. Термин «гражданский» неразрывно связан с представлением о гражданском обществе. *Общество, способное быть самостоятельным субъектом деятельности и благодаря этому ставить государство под особый контроль граждан, называется гражданским. Оно является самоорганизованным, структурированным, имеющим механизмы представительства и контроля над государством со стороны негосударственной сферы, политических партий, предпринимательских групп, профсоюзов и других неправительственных организаций, общественных движений, правозащитных групп и т. д.*

Сегодня функции гражданского общества и даже самое понимание его сути шире, чем представление об обществе, способном поставить под контроль государство. По мере отхода социал-демократий Запада от кейнсианских трактовок роли государства в экономике, *гражданское общество одновременно стало рассматриваться как общество, саморганизованное и*

* Статья написана на основе доклада, сделанного на семинаре «Философия в публичном пространстве» в Институте философии 30 октября 2012 г.

¹ Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven–L., 1968. P. 78.

институционализированное таким образом, чтобы сдерживать не только государство, но и рынок, не позволять всему обществу подчиняться логике рыночной прибыли. Рыночная экономика и демократическое государство функционируют при цивилизующем влиянии гражданских ассоциаций и неправительственных организаций. В США эта позиция начала устанавливаться в 80-ые годы XX века. И если раньше в отношении бизнеса признанной считалась формула: «Что хорошо для “Дженерал Моторз”, хорошо для Америки», то сегодня общественный контроль осуществляется и над бизнесом. Организованы юридические службы, разбирающие иски граждан против бизнеса, которые успешно работают. Теперь в США люди уверены в том, что «не все, что хорошо для “Дженерал Моторз”, хорошо для Америки».

Гражданское общество в России не может установиться без участия государства. А государство заинтересовано в нем тогда, когда с кем-то надо разделить ответственность. Примером этого может стать образование Общественной палаты сразу после событий в Беслане. Важно только, чтобы не все из этой палаты стремились во власть.

Итоги предыдущих обсуждений

Общее название проекта, в который включен мой доклад, – *«Философия в публичном пространстве»*. До меня уже было сделано три доклада, в которых эта общая тема была рассмотрена. Напомню о предложенных решениях.

1. В.М.Межуев употребляет термин «публичное пространство» как *пространство гражданского общества. Античный разум – дитя полиса*. Публичное пространство представляет собой, по его мнению, сферу общественной публичной жизни человека, отличающуюся от сферы его частной жизни и профессиональной деятельности и не сводящуюся к сборищам, восприятию масс-медиа, поведению в кругу друзей и пр. Публичное пространство этого типа позволяет жить жизнью индивида, а не вида. Оно связано в дальнейшем с развитием капитализма и частной собственности, предоставляющих новые сферы свободы, переходом от сакрального пространства к публичному, от деспотии, освященной мифом или религией, к демократии и гражданскому обществу. По мнению Межуева, такой переход не смог бы осуществиться без философии, которая возникает примерно в то же время и играет решающую роль в деле освобождения людей от власти не только деспотов и тиранов, но и мифа. Без демифологизации сознания нельзя достигнуть и десакрализации власти, перевода сакрального пространства в публичное. Философия при этом обеспечивает гражданское общество в публичном пространстве символическими возможностями путем разработки концепции свободы.

2. Согласно М.М.Федоровой, в отличие от эпохи Платона и Аристотеля, сегодня *сверхдетерминация политики философией* опасна как для политики, так и для философии. Одновременно представляется, что сверхдетерминация философии политикой так же опасна как для той, так и для другой. Сохраняется и главный элемент сверхдетерминации – идея полной прозрачности реальности человеческих взаимоотношений, а также пластичности этой реальности по отношению к всеведущему разуму. Демократия – это форма политического бытия в его непрочности. Политика – это соперничество в публичном пространстве, борьба различных социальных групп за право быть легитимными. Сверхдетерминация политики философией ведет к заключению о неполитической природе самого политического, превращаясь в регуляцию не столько

собственно политических, сколько моральных (якобинцы), экономических (большевики) или религиозных отношений. Не существует подлинной, аутентичной политики, которая была бы детерминирована философией и наукой. Рефлексия, стремящаяся выдать себя за «политическую философию», чаще всего *редуцировала множественность к какому-либо из многообразных ликов превосходства, превращаясь в теорию господства*. Путь к решению проблемы сверхдетерминации политики философией можно усмотреть в новой проблематизации точки зрения практики. Она призвана выявить особенности взаимодействия философии именно с политическим моментом этой практики, ибо сфера политики нуждается в том типе знания, который глубоко укоренен в опыте. Иными словами, речь идет о формировании такого типа рациональности, который бы был отличен как от рациональности позитивной науки, так и от инструментальной технической рациональности.

3. А.А.Кара-Мурза в своем докладе о превращении идей в идеологии показывает, что в ходе такого превращения возникают непреодолимые противоречия. Одно из них – противоречие славянофильства между гражданско-правовым универсализмом, с одной стороны, и апологией «русской исключительности», с другой. Он приводит вывод В.С.Соловьева, очень важный в контексте сегодняшнего разговора: «История сознания имеет свои законы, в силу которых всякое идейное содержание, истинное или ложное, исчерпывается до конца, чтобы в последних своих заключениях найти свое торжество или свое обличение». А.А.Кара-Мурза рассматривает также процесс вырождения в России левой идеи. Он показывает, что в субстрат полуобразованного, но политически разгоряченного «интеллигентского мещанства» *был вброшен* пришедший с Запада марксизм и претерпел там удивительные метаморфозы. Процесс упрощения доходил до неизбежности перехода от созидательной работы к срыву в революцию. И все же в своем докладе он выражает уверенность, что в России процесс сопротивления культуре идеократизации возможен, и философы очень многое могут сделать как своими профессиональными текстами, так и другими формами репрезентации в так называемом «публичном пространстве», каким бы куцым и разочаровывающим оно нам подчас не казалось. Это иллюстрируется на примере философской деятельности Ф.Степуна.

4. Приведу еще одно мнение. Оно было высказано в интервью с Н.С.Плотниковым – научным сотрудником университета Бохума в Германии, который, с одной стороны, критикует сужение публичных пространств в университетах Германии, превращенных в коммерческие предприятия, внедряемый в университетах эконоцентризм, а с другой стороны, отмечает готовность и потребность общества к *философским* дискуссиям по проблеме соотношения капитализма и общества, глобального капитализма, судьбе ЕС и пр. Не о сверхдетерминации, а о поиске смысла идет речь в этих новых дискуссиях о проникновении философии в публичное пространство.

Меняющиеся отношения науки и философии

Каждая из приведенных точек зрения имеет свой контекст, свою тему и свой пафос. Хотелось бы уточнить, что из-за того, что в России гражданское общество пока отсутствует, я говорю о публичном пространстве в самом широком смысле слова, лишь в конце статьи переходя к трактовке этого понятия. Я согласна с критикой сверхдетерминированности политики философией и сверхдетерминированности философии политикой. Изложу свою позицию.

В.М.Межуев упомянул в своем докладе о том, что К.Маркс стал опираться на науки об обществе, приняв в качестве ведущей науки историю. О.Конт – социологию. Основанием у Конта была смена эпох – от теологической к метафизической, от метафизической к научной. Кажется, мы мало размышляли над этой схемой, оставляя за метафизикой, философией решающую роль в научном познании, не изменив наших представлений об отношении философии и науки, в данном случае политической науки и самой политики как вида знания. Со всей очевидностью можно сказать, что эта схема Конта не разорвала связи теологии, метафизики и науки, но она изменила эту связь.

Нельзя не отметить возросшего значения науки, по поводу чего Ю. Хабермас писал: «Проект модерна, сформулированный в XVIII в. философами Просвещения, состоит ведь в том, чтобы неуклонно развивать объективирующие науки, универсалистские основы морали и права и автономное искусство с сохранением их *своевольной природы* (курсив мой. – В.Ф.), но одновременно и в том, чтобы *высвободить накопившиеся таким образом когнитивные потенциалы из их высших эзотерических форм и использовать их для практики, т. е. для разумной организации жизненных условий* (курсив мой. – В.Ф.)...»². Ясно, что в этом контексте слово «проект» означает не более, чем теории, способные быть примененными на практике, а высвобождение науки из эзотерических высших форм усиливает ее значимость для философии и ее проникновения в публичное пространство. Утверждение о выходе науки из высших эзотерических форм заставляет обратить внимание на двусторонность связи науки и философии в эпоху модерна, а сейчас, на мой взгляд, эпоха третьего модерна, которую мы обозначаем как Новое время для незападных стран³. Это модерн, полный нарративов, больших идей и отсутствия иронии, но усвоивший от постмодернизма с его сознанием кризиса второго модерна 1960 – конца 80-х годов значимость традиций, культур, цивилизаций и религий для новой модернизации. Постмодернизм, несомненно, повлиял на то, каким предстает теперь новый модерн. Постмодернизм не отменил серьезности намерений, отсутствия самоиронии в отношении целей модернизации и успехов на глобальном рынке, но восстановление роли традиции в третьем модерне достигается.

Не только философия влияет на науку, но и наука на философию. Один коллега сделал мне сомнительный комплимент: «Вы пишете замечательные обзоры». Никогда я не писала обзоров. Во всех своих публикациях я строила или по крайней мере пыталась построить философские концепции, опираясь на то, что я считаю *фактами* философа. *Ими являются теории наук* – социологии, политологии, культурологи и других. К некоторым из них я и обращаюсь в данном случае для обсуждения поставленной в заголовке проблемы. Это – теории, реагирующие на новую ситуацию: появление массовых обществ, третью волну демократии, исчерпание возможностей догоняющей модели модернизации, стремление стран включить в модернизацию фактор опоры на свою культуру, переход к третьему модерну, появление множества переходных обществ, в которых провозглашаются в качестве целей известные фазы развития, но достигаются другие, не имеющие пока названия.

² Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопр. филос. 1992. № 4. С. 45.

³ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М., 2008. С. 227–348.

К истории вопроса в XX веке

В одной из своих работ конца 1990-х годов Г.Олмонд описывал становление проекта гражданской культуры. Этот термин, как уже упоминалось, является синонимом демократической политической культуры, культуры гражданского общества. Он возник после Первой мировой войны в 1928–38 годах, когда задумались о путях преодоления Европой, пережившей эту войну, трагического опыта. Специалисты из США, привлекая ученых других стран, стремились изучить политические проекты Франции, предотвратить русский революционный путь для Италии, рассмотреть гражданскую политическую культуру Германии, Австро-Венгрии, Великобритании, Мексики, Советского Союза. Они предложили два проекта, которые должны были содействовать формированию граждан: «Гражданский тренинг» и «Гражданское обучение». Эти проекты привлекли многих солидных ученых и научную молодежь, активно применяющую психологию и статистику: тренингу и обучению, всей практической деятельности предшествовала и сопутствовала огромная теоретическая работа.

Та или иная политическая культура есть в любой стране, но не везде она является гражданской, т. е. способной формировать гражданское общество или быть основой такого общества, если оно уже сформировано. В США была издана серия работ, называемая «Делая граждан», ставшая частью пропагандистской машины, направленной против настроений, ведущих к войне, а так же против коммунистических идей. Распад Австро-Венгерской империи и изменение границ в Центральной Европе привели к господству этнических национализмов. В 1931 году была издана книга, сравнивающая гражданские тренинги в разных странах, в 1934 году – книга о гражданских тренингах в США, в которой представлено компаративистское исследование политической культуры и социализации. Наряду с этим было проведено изучение психологических аспектов политического поведения в работах, посвященных СССР, Италии, Германии, Австро-Венгрии, Великобритании, Швейцарии, осуществленное высококвалифицированными историками и политологами⁴. Как уже было отмечено, исследования политической культуры в США после Первой мировой войны носили не только научный, но и практический, пропагандистский характер. Некоторые люди подозрительно относились к этим исследованиям, опасаясь стать проводниками политических целей США в своих странах, в том числе и таких, которые могут быть направлены против их стран. Уже тогда поднимался вопрос об универсальности демократии, с одной стороны, и об американской политике демократии в других странах, с другой. Компаративистские исследования показывали стремление многих стран к демократии, но одновременно наличие препятствий в их политической культуре к ее развитию. Зрелость гражданской политической культуры виделась Олмондом в способности к достижению стабильности демократии, пример которой давали США и Великобритания в реализации этой универсальной, но вместе с тем имеющей разные модели политической системы. *Проектная направленность изучения гражданской политической культуры делала ориентацию на развитые образцы частью признания общей перспективы демократии подобно тому, как существовала общая перспектива технического и технологического развития. Социальные технологии могли*

⁴ Almond S. The Civic Culture: Prehistory, Retrospect and Prospect // CSD Working Papers. Center for the Study of Democracy. California: UC Irvine. 11–17 1996 (<http://escolarship/org/uc/item/4mm12285>).

быть, однако, применены с учетом политической культуры обществ, которые хотели их использовать. Глубина теоретических исследований спасала от предположения, что они подходят всюду и могут быть встроены в любом месте мира или по крайней мере во многих местах. Что касается России, трудно не согласиться с автором, пишущим, что в российском «демократическом лагере преобладало весьма **примитивное представление** о последовательности необходимых шагов к установлению демократии»⁵. Опыт изучения политической культуры гражданского общества (или необходимой для построения гражданского общества) должен быть основан на компаративистском анализе ее построения в разных странах, на знании истории и психологии народов, на понимании многообразия проектов демократии и адекватного выбора ее модели, на осведомленности о наличии и использовании теорий, которые были выработаны для этой цели.

После Второй мировой войны тренинги и обучение, применяемые после Первой мировой войны, были заменены анализом гражданской культуры, ставшей одним из важных предметов социально-гуманитарных наук. Вторая мировая война имела тяжелые последствия для многих стран, в частности, новую переделку границ, и вопрос о демократической политической культуре стал еще более актуален, чем после Первой мировой войны. В 1950 году исследования процессов, произошедших после Первой и Второй мировых войн, были объединены общей проблемой формирования гражданской политической культуры и включили в себя как теоретические разработки, так и проекты ее формирования и использования в образовании. Профессор Принстонского университета С.Верба написал книгу «Малые группы и политическое поведение» (1959), профессор Принстонского, а позже Йельского и Стенфордского университетов Г.Олмонд, желая сохранить демократическую стабильность, выдвинули гипотезу о том, что стабильные демократии имеют смешанные политические культуры. Профессор из Принстона Г.Екштейн изучил политические элиты, показав, что государственные структуры имеют власть, но несут ответственность перед гражданами за принимаемые решения. Им была предложена теория сбалансированных неравенств, согласно которой неравные между собой по обязательствам и требованиям структуры при демократии уравнивают друг друга⁶. Уже в те годы Олмонд и Верба писали, что сбалансированное неравенство существует в США и Англии, но отсутствует в Германии, Италии и Мексике тех лет.

Олмонд отмечал, что, согласно Р.Патнэму, необходимо избегать, с одной стороны, «перегрева», общественных страстей и, с другой стороны, апатии и равнодушия, т. е. объединять послушание и уважение к власти с инициативой и участием, не допуская перевеса чего-то одного. Им была принята позиция Патнэма, хотя тот использовал не концепцию баланса неравенств, а теорию равновесия, сопоставимую с экономической теорией рынка, в которой продавцы и покупатели достигают приемлемой цены, делающей рынок саморазвивающейся системой. Это, с точки зрения Олмонда, близко к позже появившейся модели эффективной демократизации С.Хантингтона – его отмеченной выше теории «третьей волны» в понимании гражданской культуры. Достаточно скоро студенты, обучавшиеся у Олмонда, показали, что такая модель демократизации, в отличие от модели «баланса неравенств», зиждется на терпении

⁵ *Ворожейкина Т.* Самозащита как первый шаг к солидарности // *Pro et Contra*. 2008. Март–июнь, № 2–3(4). С. 10.

⁶ *Eckstein H.* The British Political System // *Beer S., Ulam A.* Patterns of Government: The Major Political Systems of Europe. N. Y., 1962. P. 69–270; *Eckstein H.* A Theory of Stable Democracy. Princeton, 1961.

бедных. Демократический транзит был предвосхищен в этих моделях до того, как он состоялся. Но сегодня особенно ясно, что «без создания политической системы, которая была бы проницаема для **интересов и требований социальных низов**, демократия всегда будет обратима»⁷, что «свободы от» (чего-нибудь) недостаточно для понимания и осуществления «свободы для» (чего-то) (И. Берлин). Предоставление свободы людям, не являющимся самостоятельными хозяйствующими субъектами, не позволяет реализоваться моделям рынка в экономике и политике демократии цивилизованным путем.

Согласно Олмонду, «теория гражданской культуры является теорией демократического равновесия, в которой демократическая стабильность уравнивается демократическими процессами, т. е. градус политического конфликта не выходит за пределы заданного температурного режима»⁸. Легко видеть, насколько эта позиция отличается от популистского активизма и революционаризма, переносящего решение проблем из парламента на улицы в России, а в других странах доведших этот революционаризм до гражданских войн.

По мнению Олмонда, политическая культура поколенчески различна. У одних она содержит ретроспективу, память о прошлом, другие видят только перспективу, т. к. не знают о прошлом. По его мнению, с начала анализа гражданской политической культуры Германия изменилась и стала ее носителем, но Италия даже к 1980 году изменилась мало. И все-таки он считает, что тенденция состоит в том, что возникают *многомерные пластичные политические культуры*. Заметим, что этого не происходит в России. Здесь, скорее, есть некоторый набор политических культур, каждая из которых одномерна и лишена пластичности для коммуникации с другими.

Гражданская политическая культура как культура умеренности и компетентности элит

В 1963 году была опубликована книга Г. Олмонда и С. Вербы «Гражданская культура. Политические отношения и демократия в пяти нациях», ставшая классической. *Спецификой этой работы явилось ясное осознание того, что речь идет о гражданской политической культуре и демократии массовых обществ*. Книга перевернула представления американцев о себе самих и о сущности демократии и гражданского общества. Она была направлена против господствующей в США рационалистически-активистской модели, требующей от всех граждан США политического участия. Достаточно сказать, что при отсутствии апатии в США имеется немало книг об апатии, которую боялись и боялись в этой стране за пренебрежение демократическим участием, в то же время в России, несмотря на часто наблюдаемую апатию, нет книг об этом явлении⁹. К пяти исследованным Олмондом и Вербой государствам после Второй мировой войны относятся Италия, Мексика, Германия, Великобритания и США. В США доминировала рационально-активистская модель, стремящаяся вовлечь все население в политику. *Олмонд и Верба высказали сомнение в реальной осуществимости такой модели и ее осуществленности в США.*

⁷ Ворожейкина Т. Указ. соч. С. 16.

⁸ Almond S. The Civic Culture: Prehistory, Retrospect and Prospect // CSD Working Paper. Center for the Study of Democracy. California. 1996 (<http://esclarship.org/uc/item/4mm12285>).

⁹ В монографии «Хорошее общество» я обратилась к исследованию анархии и апатии, столь неприятных крайностей, препятствующих формированию гражданского общества (Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005).

В противоположность идеям активизма всех граждан в гражданском обществе, Олмонд и Верба пишут: «Гражданская культура является смешанной политической культурой. В ней многие индивиды активны в политике, но есть такие, кто играет в ней пассивную роль подданных. Более важно, что даже среди граждан, имеющих активную политическую роль, качества подданных и прихожан не вытеснены. Роль участника добавляется к подданнической и приходской культурам. Это значит, что активный гражданин сохраняет свои традиционалистские, неполитические связи, так же как и свою более политическую роль подданного»¹⁰. Т. е. гражданская политическая культура включает активных граждан, а приходская нет. Подданническая ориентация граждан может модифицироваться в политическую активность, а может оставаться в сфере неполитических интересов. Политическая деятельность гражданина, по мнению Олмонда и Вербы, представляет собой лишь часть его интересов, причем не самую важную их часть. В приходской культуре отношение к политике в целом является пассивным. В подданнической культуре нет конкретизации политических ролей и нет конкретизации политической ориентации. Культура участия четко ориентирует граждан на политическую систему в целом. Гражданин формируется из всех трех форм – участника, прихожанина и подданного, а гражданская культура выступает как их результирующая. Это сильно отличается от попыток разделить людей, столкнуть их между собой. Крайне дилетантской в научном смысле и политически агрессивной в практическом является примитивная схема разделения российских граждан на передовых и отсталых, либеральных и консервативных. Эти упрощения политической практики доходят порой до абсурда: хорошо бы оставить Россию без ее народа для осуществления намерений тех, кто является «передовым».

Олмонд и Верба обращаются к традиционной критике демократами – сторонниками рационально-активистского похода – слабого политического участия граждан, к их попыткам его активизировать. В наших условиях – даже антагонизировать. Политическая деятельность – не единственный тип рациональной деятельности. Поэтому «в свете неполитических интересов индивида для него может быть совершенно нерациональным вкладывать то время и те усилия, которые необходимы, чтобы жить в соответствии с рационально-активистской моделью»¹¹. *Гражданское общество – это не организация людей, реализующих теоретический или политический план, а общество обычных людей, которым удается реализовать свои нужды и быть услышанными.*

Проводя социологические опросы, Олмонд и Верба убеждались, что число людей, которые хотели бы участвовать даже в делах общины, значительно больше тех, кто действительно в них участвует. Они заключили, что сравнительная редкость политического участия, также малая важность такого участия для индивидов, занятых обычными делами, позволяет элите проводить свои решения, однако в то же время активность других граждан может оказать влияние на эти решения. Граждане имеют резерв политической активности, могут усилить свое участие в политической жизни. Но поскольку политика относительно неважна для граждан, занятых повседневной жизнью, и приобретает значимость, лишь касаясь их интересов, данное обстоятельство составляет важнейшую часть механизма баланса неравенств,

¹⁰ Almond G.A., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Newbury Park-L., 1989. P. 339.

¹¹ Ibid. P. 340.

сдерживания системы противоречивых политических позиций эффективными политическими элитами. Это опять же противоречит позициям наших политических элит, ищущих не умеренности, а конфронтации. Иными словами, *политические элиты США ограничивают себя ради сохранения своей эффективности, препятствуя провокации оживления противоречивых позиций в обществе*. Но наши элиты не сдерживают и раскол, а между тем «баланс между активностью и пассивностью может поддерживаться только в том случае, если политические вопросы не стоят слишком остро»¹². Значительная часть влияний общества на принимающие решение элиты, согласно Олмонду и Вербе, не связана с вовлечением граждан в политику. Элиты могут предвидеть требования и недовольства, могут видеть неадекватность прежде принятых решений.

Критике указанных авторов подвергаются мифы о компетентности граждан, о значимости их эмоционального подъема. «Во-первых, сильная эмоциональная включенность в политику ставит под угрозу баланс между активностью и пассивностью, ибо сохранение этого баланса связано с невысокой значимостью политики. Во-вторых, политическая включенность такого плана ведет “к росту политических ставок”, создавая благоприятную почву мессианским массовым движениям, подрывающим стабильность демократий»¹³. И далее: «Все вышеизложенное подводит нас к пониманию того, что в демократической системе должен поддерживаться еще один баланс – между согласием и разногласием... В обществе, говоря словами Т.Парсонса, должна быть “ограниченная поляризация”. Если нет согласия, мало шансов на разрешение политических споров, ассоциирующихся с демократическим процессом»¹⁴. Согласно Олмонду и Вербе, «гражданская культура – это политическая культура умеренности. Она предполагает знакомство с вопросами со стороны обычного человека...»¹⁵.

Гражданское общество в России не может возникнуть без участия власти. А власть устремится к нему тогда, когда захочет разделить с обществом ответственность за происходящее. Есть ответственные журналисты, есть люди, способные на полезные инициативы, ученые, готовые предложить те или иные проекты, но многие из них не входят в элиту. А многое решается, когда кто-то отваживается поставить вопрос, указать на факт. Это – элементы гражданского общества. В особенности это относится к творческой элите, чьей целью является производство смыслов.

Проектные возможности концепции смешанных политических культур

Г.Олмонд и С.Верба показали, что первоначально идеи гражданской политической культуры выступили после Первой мировой войны именно в узкопроектной форме, не фундированной демонстрациями идей и их разработкой, философскими и социологическими теориями, вошедшими в основание этих проектов, не обоснованных меморандумом о целях, а также выделением этапов реализации, места применения и мониторингом последствий. «Гражданский тренинг» и «Гражданское обучение», описанные выше, и были та-

¹² Almond G.A., Verba S. The Civic Culture. P. 349.

¹³ Ibid. P. 355.

¹⁴ Ibid. P. 358.

¹⁵ Ibid. P. 368.

кими проектами гражданской культуры после Первой мировой войны. Такие проекты и сейчас есть в Европе, например, семинары-тренинги в рамках НАТО для офицеров мусульманских стран, в которых их учат понимать, что религии призваны сближать народы, а не толкать их к вражде. Тренинги по проблемам демократии, гражданского общества осуществлялись для студентов и слушателей из посткоммунистических стран в университете во Франкфурте-на-Одере в Германии, в Центральном европейском университете в Будапеште и во многих других местах. Однако думается, что о концепции Олмонда и Вербы в них не было речи, по видимости, за давностью публикации книги, а на деле в связи с тем, что произошло повсеместное возвращение на позиции рационалистически-активистской модели гражданского общества. Этот проект применялся на Западе в большей мере на стадии зрелости и стабильности его демократии, но казался хорошим продуктом «на экспорт» для посткоммунистических стран. В Россию, скорее всего, он попал не вследствие экспорта, а ввиду пригодности всего, что отрицало социализм в наиболее радикальной форме. Проект, казалось, сулил успех уже тем, что он решительно порывал с социализмом. Рационалистически-активистский демократический проект 1990-х в России состоял в том, чтобы элита, представившая себя как демократическая, придя к власти, политически внедрила неолиберализм, модернизм, свободный рынок и осуществила смену идеологии, несмотря на отсутствие собственника, который мог бы следовать неолиберализму. Сегодня, когда собственник уже появился, он не находит новых аргументов и шагов для формирования гражданского общества, становясь все более популистским и нередко сводящим гражданскую культуру к протесту против власти.

Двадцать лет спустя после упомянутой монографии Г.Олмонда и С.Вербы «Гражданская культура. Политические отношения и демократия в пяти нациях» была опубликована книга статей их противников – как эмпирических социологов, так и теоретиков рационалистически-активистской концепции демократии под редакцией Олмонда и Вербы. Трудно найти другой подобный пример, когда знаменитые авторы публикуют своих противников и обсуждают их критику. Первая статья Олмонда и заключительная статья Вербы в этой книге явились прецедентами абсолютной научной честности и способности к верификации своей концепции во времени.

Аристотель представляется здесь Олмонду более современным, чем Платон, т. к. он утверждает не только важность вариаций политической культуры, с одной стороны, но и вариаций политических структур, с другой. *Смешанное правительство* организовано одновременно на олигархических и демократических принципах, следовательно, дает некоторую репрезентацию в управлении богатым и родившимся в благополучии, также как бедным и находящимся на дне. Олмонд аргументирует, что наилучшей достижимой формой для правительства является *смешанная форма общества*, в которой доминирует средний класс. Он должен доминировать и в производстве, чтобы обеспечить преобладание свободных людей, а не рабов. *Аристотелевская концепция смешанного правительства при доминировании среднего класса* характеризуется Олмондом как *гражданская культура*, в которой имеется сущностный консенсус относительно легитимации политических институтов, направления и содержания публичной политики, толерантности к множеству интересов и верований для их примирения и широко распространенному чувству политической компетенции и взаимному уважению граждан¹⁶.

¹⁶ Almond G.A. The Intellectual History of the Civic Culture Concept // The Civic Culture Revisted / Ed. by G.A.Almond, S.Verba. N. Y.–L.–New Delhi, 1980. P. 1–36.

Сама по себе эта модель гражданства как рационального участия не может логически поддержать *стабильное* демократическое правление. Только когда она комбинируется в некотором смысле со своими противоположностями в виде пассивности, доверия и уважения к власти и компетенции, возможна жизнеспособная и стабильная демократия. Олмонд и Верба по отношению к рационалистически-активистской модели гражданской культуры выступают как консерваторы, не отрицая «отсталых», по мнению своих оппонентов, политических культур. И вместе с тем в этой консервативной форме они утверждают проект демократической политической культуры и гражданского общества.

Названные исследователи оказали влияние на А.Лейпхарта¹⁷, который ввел понятие о многосоставных обществах под влиянием идеи смешанных культур и с тем же убеждением о значимости их учета в обществах, начавших строить демократию. В предисловии к русскому изданию автор писал: «Я рад, что моя книга *Демократия в многосоставных обществах* переведена на русский язык и таким образом станет доступной русскоязычным читателям. Ранее она уже переводилась на арабский, японский, испанский и хорватский языки. Впервые на английском языке книга была издана в 1977 г. ... и до сих пор регулярно переиздается.

Главной причиной подобного долголетия книги я считаю то, что ее основные положения для 90-х годов и для следующего века оказались даже более актуальными, чем для 70-х. Еще при написании книги я предвидел исключительно важную роль этнических и других различий как источника конфликтов в обществе и указывал на настоятельную необходимость создания демократических институтов, которые могли бы сделать такие конфликты управляемыми. В 70-х и 80-х годах подобные конфликты затенялись глобальным противостоянием эпохи холодной войны. Однако с ее окончанием этнические и иные противоречия стали основными источниками конфликтов в мире. Данные перемены совпали с мощной тенденцией демократизации. Это означает, что вопрос о том, как совместить демократию с глубокими внутренними различиями в обществе, стал главным вызовом в сегодняшнем мире»¹⁸. Различия здесь имеются в виду в большей мере этнические, чем социальные, но влияние Олмонда и Вербы, несомненно, просматривается.

Лейпхарт отмечает, что во всех последующих работах он не изменил отношения к основным идеям теории «сообщественности» (так он называет взаимодействие различий, обладающее своего рода эмерджентным эффектом увеличения солидарности). Автор исследовал этот процесс в Южно-Африканской Республике, в Бельгии, Ливане, Малайзии, Чехословакии и Индии, которую он считал успешной в осуществлении «сообщественной демократии», ставшей крупнейшей из демократических стран с населением, которое сегодня составляет более миллиарда человек.

Эти направления исследования не освоены в России и мало используются для достижения солидарности, консолидированной демократии и строительства гражданского общества, оставляя в качестве главных идей победу одних политических сил над другими, что сулит нам непрерывность раскола.

Олмонд и Верба весьма позитивно отнеслись к критике своей концепции в книге оппонентов, которую они сами издали и сопроводили новыми размышлениями. Они согласились во многом с этой критикой, но подтвердили идеи, которые и привлекли наше внимание.

¹⁷ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М., 1997.

¹⁸ Там же. С. 13.

Итак, умеренность и компромисс, необходимые демократии, достигаются балансом между пассивностью и активностью, компетентностью и доверием, между эмоциональностью и прагматизмом, между согласием и разногласием, между спокойным и продолжительным формированием гражданской культуры и ее торопливым внедрением. Подобной озабоченности строительством демократической культуры мы не видим со стороны отечественных элит. Приведем касающуюся нас прямо мысль Олмонда и Вербы: «Постепенный рост гражданской культуры путем слияния (разных культур. – В.Ф.) обычно происходит в условиях, когда решение проблем, стоящих перед политической системой, растянуто во времени... Проблема, с которой сталкиваются новые страны, заключается в том, что для них такая постепенность невозможна... Эти страны стремятся завершить за короткий промежуток времени то, что на Западе создавалось в течение столетий... Если из нашего исследования что-то и следует, то это то, что нет простой формулы развития политической культуры. Тем не менее нами было сделано несколько выводов, которые имеют отношение к рассматриваемой сейчас проблеме»¹⁹.

Мы разделяем эти выводы.

Публичное пространство и модели демократии

В.М.Межуев заимствует модель публичной сферы и гражданской культуры из античного полиса, создающего предпосылки ориентации на индивида, а не на вид. Но современная модель отличается от античной, т. к. она сложилась как буржуазная модель массового общества. По той же причине – массовости обществ – она отличается и от просвещенческой модели, что по существу отметила М.М.Федорова, подвергнув сомнению рациональную прозрачность деятельности акторов в сегодняшнем публичном поле. В конфронтации рационально-активистской модели, определяющей, говоря словами М.М.Федоровой, сверхдетерминированность политики философией, и модели, включающей смешанные политические культуры, баланс неравенств и стабильность демократии, мы стоим на стороне последней. Но за этим следуют резонные вопросы: *сводимо ли общество к сумме индивидов, зависит ли выбор модели политической культуры от поведения власти, каковы исторические изменения публичной сферы и меняет ли ее массовое общество, какие модели гражданского общества существуют и какие являются пригодными сегодня?*

Ответ на них связан с пониманием публичного пространства, которое в данной дискуссии определено скорее интуитивно. В своем пределе это действительно пространство гражданского общества. Но пока гражданское общество не построено, можно заметить, что сюда легко попадают СМИ, интернет, многообразные арены дискуссий и суждений, всевозможные институты и ассоциации, но отсутствует место для власти, что немедленно заметила аудитория.

Вопрос: сводимо ли общество к сумме индивидов? Или, иными словами, является ли либеральная модель гражданской политической культуры единственно возможной и либеральная демократия – единственной моде-

¹⁹ *Almond G. A., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. P. 369–370.*

лью демократии, связывающей политическую систему с рыночной экономикой, организуется ли публичное пространство без государств развитием и агрегированием индивидуальных волей, как это утверждается в либеральных теориях?

Многие видели в публичной сфере рационально-критический дискурс, производящий единство. Однако критики отмечали, что публичная сфера может строиться так, что формирует конформизм. В *массовых обществах* это различие исчезало, т. к. их публичное пространство делает массы одновременно носителями как критического, так и конформистского сознания.

В условиях XIX века при наличии автономного и ответственного индивида в публичном пространстве происходило агрегирование индивидуальных волей, и понятие публичной сферы оказывалось близким к понятию буржуазного общества, в котором главным вопросом становилась возможность нахождения суммарной воли антагонистических классов. Они примирались скорее всего идеей общего блага. Как отмечает Ю.Хабермас, публичная сфера отделялась от частных сфер, чтобы найти общее, важное для всех. Причем для этого, на мой взгляд, потребовалось достаточное время модернизационного развития. Но публичная сфера при этом разделилась на буржуазную публичную сферу и небуржуазную публичную сферу, заполняемую не пролетарскими, а левыми буржуазными интеллектуалами. Формирование расколотов буржуазной публичной сферы несло, по мнению этого именитого исследователя, проблемы в массовое общество, состоящие в поиске солидарности²⁰.

История публичной сферы довольно длительна. Она возникла в связи с *модернизацией и дефеодализацией обществ*. По мнению Хабермаса, в раннебуржуазных публичных сферах все еще лидировала аристократия. В XVII–XVIII веках **формирующаяся публичная сфера имеет в качестве главного вопрос о соотношении капитализма и государства**. Капиталистическая рыночная экономика создает основу гражданского общества. XIX век – век Первой современности – заполняется *либеральной трактовкой соотношения капитализма и государства*, связанного с процессом модернизации. Публичная сфера все более становится соотношением частных интересов с государством, ибо государство, по мнению Хабермаса, выступает как организация, не выражающая частных интересов. *Именно в дискуссии государства и частных интересов формируется публичная сфера*. В отношении XX века, начиная с Франкфуртской школы через Ю.Хабермаса и сегодня П.Вагнера, этот век Второй современности интерпретируется как организованный и представляющий публичную сферу в виде сферы *социальной интеграции*. Общество отделяется от государства, а публичная сфера от частной. В упомянутой работе Хабермас считал, что отношения между государством и обществом осуществляются посредством рационально-критического обсуждения людей, т. к. люди имеют разум. Но в массовом обществе исчезает мнение о рациональной прозрачности общества и рационально-критическом поведении массового человека. Возникает представление об *одновременно рациональном и эмоциональном подходе масс*.

Если же вернуться к вопросу о власти, то мы должны признать, что *либеральная модель демократии* как политического режима непригодна для массовых обществ, т. к. автономный, ответственный, модульный, по словам Э.Геллнера, человек, т. е. человек, легко встраивающийся в любые формы деятельности, сегодня сменился массовым.

²⁰ См.: *Habermas J. The Structural Transformation of the Bourgeois Public Sphere: An Inquiry into Category of Bourgeois. Cambridge, 1962. P. 27.*

Кроме либеральной, в литературе выделяется ряд других моделей демократии. Всем известна социал-демократическая модель, которая сегодня плохо реализуется в масштабах одного общества из-за того, что капитал убегает туда, где выгодно, и налоговая база социал-демократии исчезает. Имеется *республиканская модель демократии*, носящая коммунтаристский характер и направленная на нациестроительство, формирование этоса гражданина республики, а также *делиберативная модель демократии*, налаживающая мост дискуссии между государством и обществом и формирующая новое публичное пространство²¹. Хабермас подчеркивает: «Делиберативная модель понимает политическую публичность как резонатор, способствующий выявлению проблем в масштабе всего общества, и в то же время как дискурсивную очистную установку, которая из беспорядочных процессов формирования общественного мнения отфильтровывает то, что способствует обобщению интересов, информативные работы, сообщения на релевантные темы и отражает эти “общественные мнения” на распыленную публику граждан, а также передает их в формальную повестку дня для компетентных органов. Если для республиканской модели ценность демократического процесса состоит в экспрессивном волеизъявлении, а в либеральной модели его значение – прежде всего связывать политику правительства с осведомленным собственным интересом граждан общества, то делиберативная модель от встраивания воли избирателей и формального процесса обсуждения и принятия решений в жизненную, по возможности неуправляемую циркуляцию публичных мнений ожидает движения в сторону рационализации, улучшающей качество решений»²².

Остается вопрос о соотношении модернизации и развития. Модернизация часто сопровождается демократизацией, а демократизация модернизацией. Но успехи модернизации ряда стран совсем не связаны с их «полисным» характером и даже отрицают демократические возможности, а направлены на осуществление прогресса в многообразных сферах жизни и производства под контролем государства (Сингапур).

Выводы:

1. Публичное пространство исторически изменчиво и является в сегодняшней России публичным пространством массового общества.

2. Россия – переходное общество, и наиболее приемлемой моделью политической культуры для построения гражданского общества является не рационалистически-активистская модель, а модель смешанных политических культур, называемая также моделью стабильной демократии и баланса неравенств. Она была предложена Г.Олмондом и С.Вербой как раз для переходных и массовых обществ.

3. Сегодня много рассуждений об экономическом разнообразии России, но отсутствует классификация российских политических культур. Схема «неолибералы и остальные» или другая – адекватная наличным политическим партиям, – не выдерживают критики. Представляется, что данная Олмондом и Вербой классификация американской политической культуры на приходскую, подданническую и культуру участия более близка российской политической культуре сегодня.

²¹ Хабермас Ю. Имеет ли демократия еще и эпистемическое измерение? Эмпирическое исследование и нормативная теория // Хабермас Ю. Ах, Европа. М., 2012. С. 111–116.

²² Там же. С. 116.

4. Утверждая это, мы попытались показать, что смешанной модели политической культуры общества адекватна смешанная модель демократии, которая состоит в совместном (смешанном) применении разных моделей демократии: либеральной, влияющей на формирование индивида, развитие свободы и повышения эффективности бизнеса; республиканской, ответственной за формирование гражданской идентичности; делиберативной, используемой для повышения рациональности масс, и в перспективе социал-демократической, если препятствия, упомянутые выше, будут каким-то образом преодолены.

5. Модернизация обеспечивает прогресс и чаще всего, но не всегда связана с демократией, иногда даже противостоит ей.